

Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. ¹⁾.

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова).

Привхавъ въ Вѣну 13/25 марта, я съ ранняго утра вступилъ въ переговоры съ г. Новиковымъ, чтобы ускорить свое свиданіе съ гр. Андраши, который по словамъ нашего посла въ тотъ день былъ очень занятъ въ совѣтѣ министровъ, и получить скорѣе аудіенцію у императора Франца-Іосифа, который собирался на охоту и долженъ былъ вернуться въ городъ только во вторникъ и тогда могъ принять меня; гр. Зичи тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ въ отель, чтобы узнать о ходѣ переговоровъ и передать мнѣ, что австро-венгерскій министръ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ свиданія со мною. Нашъ посоль не успѣлъ еще просить гр. Андраши принять меня и предупредить его, что я не могу долго быть въ Вѣнѣ, такъ какъ я долженъ былъ спѣшить въ Петербургъ, какъ министръ самъ пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы обсудить со мною положеніе дѣлъ; я передалъ ему текстъ нашего проекта и перечислилъ вкратцѣ тѣ измѣненія, какія хотѣлъ внести въ него Сентъ - Джемскій кабинетъ.

„Я былъ нѣсколько удивленъ (какъ я и писалъ канцлеру изъ Берлина 16/28 марта), тѣмъ, что гр. Андраши считалъ необходимымъ исполнить желаніе Англіи относительно нашей демобилизаціи, считая ее немедленнымъ и естественнымъ послѣдствіемъ подписанія протокола. Онъ настаивалъ на томъ, что ее нельзя было ставить въ зависимость отъ заключенія мира съ Черногоріей, въ особенности въ случаѣ, ежели князь Николай

¹⁾ См. „Русская Старина“, іюль 1914 г.

Черногорскій не умѣрилъ-бы своихъ требованій, такъ какъ, настаивая на своемъ и не желая разоружиться, мы поощряли этимъ упорство Черногоріи ¹⁾. Въ сущности, мнѣ казалось, что онъ изыскивалъ наименѣе обидный для насъ способъ принять на себя обязательство разоружить армію. Я доказывалъ гр. Андраши, какъ оскорбительно было для насъ подобное требованіе и какъ странно и преждевременно было бы предрѣшать международнымъ актомъ такую мѣру, цѣлесообразность которой могла быть рѣшена только Императоромъ Александромъ. Я просилъ гр. Андраши повергнуть этотъ вопросъ на обсужденіе императора Франца Іосифа, полагая, что монархъ по своимъ личнымъ взглядамъ *конечно не допуститъ*, чтобы споръ былъ перенесенъ на эту почву. Изъ свѣдѣній, полученныхъ гр. Андраши изъ англійскаго источника, онъ заключилъ, что англійскія требованія были слишкомъ категоричны ²⁾; я доказывалъ ему, что онъ ошибается, что переговоры еще не окончены, но что Англія, своимъ поведеніемъ, можетъ погубить все дѣло и вызвать русско-турецкую войну. Мой собесѣдникъ призналъ справедливость моихъ замѣчаній, но все-таки выразилъ готовность быть посредникомъ между императорскимъ и англійскимъ кабинетомъ⁴.

Три часа спустя я поѣхалъ въ Staatskanzlei, чтобы отдать визитъ министру. Гр. Андраши принялъ меня немедленно. Онъ уже успѣлъ познакомиться съ текстомъ протокола и возражалъ теперь только противъ одной фразы, касавшейся заключенія мира съ Черногоріей въ предѣлахъ, намѣченныхъ конференціей. По его мнѣнію при этомъ условіи заключеніе мира было сомнительно, такъ какъ Турція не могла на него согла-

¹⁾ Это показывало ясно, что бѣльмомъ на глазу у гр. Андраши были по-прежнему славянскія княжества и, главнымъ образомъ, Черногорія, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ министръ иностранныхъ дѣлъ все еще воображаетъ, что Андраши поступалъ относительно насъ честно и искренно и относился къ нашей исконной политикѣ на Востокѣ „доброжелательно“.

²⁾ Это былъ обычный приемъ сэра Г. Эллиота, который, желая вынудить согласіе правительства, при которомъ онъ былъ аккредитованъ, изображалъ взгляды своего правительства неизблемыми. Мнѣ это было извѣстно по опыту. Кромѣ того я слышалъ въ Парижѣ (еще до поѣздки въ Лондонъ), что стойкость Англии объяснялась увѣренностью, что ей удастся войти въ соглашеніе съ Австріей, съ цѣлью противодѣйствовать нашимъ видамъ на Востокѣ и что Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ посланъ для этого въ Вѣну специальный тайный агентъ. Я предупредилъ объ этомъ канцлера телеграммою, чтобы онъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство.

Прим. авт.

ситься. Съ другой стороны и Черногорія не могла согласиться на уступки, которыя гр. Андраши считалъ неизбѣжными. Такимъ образомъ гр. Андраши невольно сознался въ томъ, что онъ принялъ, какъ я и подозрѣвалъ, выработанный конференціей проектъ новыхъ границъ Черногорій ¹⁾ по неволѣ единственно *потому*, что онъ былъ вастигнутъ врасплохъ единодушнымъ рѣшеніемъ конференціи, подготовленнымъ мною съ перваго же засѣданія, и что онъ агитировалъ въ Константинополѣ въ пользу того, чтобы турки явѣнили условія мирнаго договора, и въ то же время совѣтовалъ князю Николаю Черногорскому быть сговорчивѣе, ежели онъ хочетъ обезпечить сохраненіе мира.

Министръ еще разъ предложилъ свое посредничество для переговоровъ между Петербургомъ и Лондономъ, а когда я заявилъ ему, что это не входитъ въ мою компетенцію и что я не могу обсуждать условій этого посредничества, то гр. Андраши просилъ телеграфировать объ этомъ въ Петербургъ, что я и исполнилъ въ тотъ же день.

Вотъ что я писалъ по этому поводу князю Горчакову: Видя, что переговоры съ Лондономъ не удаются, Австро-Венгрія, до сихъ поръ хранившая молчаніе (она не отвѣтила на циркулярную ноту), предлагаетъ свое посредничество, разумѣется при условіи, что оба союзные двора ²⁾ будутъ на то согласны. Въ такомъ случаѣ Вѣнскій кабинетъ обратится къ Лондонскому съ совѣтомъ и будетъ настаивать на томъ, чтобы протоколъ былъ подписанъ прежде всего, дабы подтвердить этимъ единодушіе Европы въ отношеніи Турціи, послѣ чего Вѣнскій кабинетъ заявитъ, что онъ удовлетворится деклараціей, сдѣланной представителемъ Россіи, послѣ подписанія протокола ³⁾. Въ этой деклараціи предполагалось сказать, что, въ виду достигнутаго кабинетами соглашенія, Его Императорскимъ Величествомъ будетъ приступлено къ демобилизаціи арміи, какъ только явится увѣренность въ томъ, что турецкое правительство серьезно подчинится совѣтамъ Европы.

¹⁾ Тогда какъ онъ старался увѣрить всѣхъ въ Цетиньѣ (и даже въ Петербургѣ), что никто, какъ онъ, содѣйствовалъ аннексіи нѣсколькихъ герцеговинскихъ округовъ къ Черногоріи.

²⁾ Т. е. Вѣнскій и Берлинскій.

³⁾ Достоинно удивленія, что графу Андраши три дня спустя пришла та же мысль, какъ и гр. Шувалову. Не была ли она подсказана ему изъ Лондона при посредствѣ Бейста, который только выразилъ ее въ болѣе приличной формѣ.

„Вынужденный что-нибудь отвѣтить на настоятельные вопросы гр. Андраши, я сказалъ, что, не желая ничего предрѣшать, я лично нахожу, что такая постановка вопроса лучше извѣстныхъ мнѣ предложеній, сдѣланныхъ въ Лондонѣ, но такъ какъ переговоры еще продолжаются, то они могутъ увѣчатся успѣхомъ и безъ вмѣшательства Австро-Венгрии. Гр. Андраши полагаетъ, что если сдѣланное имъ предложеніе будетъ поддержано остальными кабинетами, то Англія не рискнетъ отказаться подписать протоколъ, принявъ на себя отвѣтственность за свое изолированное положеніе ¹⁾. Предложенія гр. Андраши клонились, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы взять на себя дѣятельную роль посредника, къ чему онъ очевидно стремился. Онъ доказываетъ мнѣ, что въ принципѣ мы уже согласились на извѣстную связь между демобилизаціей и подписаніемъ протокола, хотя я противъ этого энергично протестовалъ. Онъ показалъ мнѣ секретную памятную записку гр. Шувалова, переданную имъ графу Дерби, въ которой упоминалось о демобилизаціи русской арміи.

Гр. Дерби былъ, разумѣется, очень радъ имѣть подобный документъ и поспѣшилъ сообщить его своимъ агентамъ за границей и даже нѣкоторымъ посланникамъ, аккредитованнымъ въ Лондонѣ, между прочимъ Бейсту, чтобы оправдать этимъ свою настойчивость и склонить прочіе кабинеты послѣдовать его примѣру. Этимъ все объясняется; можно себя представить, какъ пріятно было нѣкоторымъ лицамъ въ Европѣ, и въ особенности гр. Шувалову, когда я появился и сталъ проводить совершенно иные взгляды. Есть полное основаніе думать, что злополучная памятная записка была передана русскимъ посланникомъ лорду Дерби до пріѣзда моего въ Парижъ и до моего свиданія съ гр. Шуваловымъ, когда послѣдній надѣялся еще подписать какой бы то ни было протоколъ до моего пріѣзда въ Англію.

Въ телеграммахъ, которыя гр. Андраши получалъ изъ Лондона и изъ Константинополя и съ содержаніемъ которыхъ онъ поверхностно познакомилъ меня, говорилось единогласно, что „какъ только въ Стамбулѣ убѣдились въ томъ, что Англія настаиваетъ на разоруженіи Россіи, всѣхъ охватилъ воинственный пылъ, у всѣхъ явилась надежда на спасеніе Турцію. „Въ

¹⁾ Гр. Андраши позабылъ исторію съ берлинскимъ протоколомъ. Когда я напомнилъ ему объ этомъ, онъ сказалъ мнѣ, что тогда были иные обстоятельства и что „нельзя повторять ту же ошибку дважды“.

Прим. авт.

Константинополь только и говорят о призывѣ послѣднихъ редифовъ и о возвращеніи къ власти Мидхата“, сказалъ мнѣ съ усмѣшкой гр. Андраши.

„Онъ полагаетъ, что турецкая армія увеличится такимъ образомъ почти на сто тысячъ человѣкъ, и соглашается съ тѣмъ, что мирное разрѣшеніе вопроса становится все менѣе и менѣе вѣроятнымъ“.

„Мы коснулись между прочимъ вопроса о возвращеніи посланниковъ въ Константинополь и о возобновленіи сношеній съ Турціей¹⁾. Гр. Андраши согласился со мною, что въ виду хаоса, царствующаго въ Константинополь, и демонстративнаго отъѣзда представителей державъ, ихъ возвращеніе было бы неумѣстно до тѣхъ поръ, пока не будутъ достигнуты какіе-нибудь осязательные результаты совмѣстныхъ шаговъ, сдѣланныхъ европейскими державами. Такъ какъ державы отозвали посланниковъ съ общаго согласія, то онѣ должны были *условиться предварительно* и относительно ихъ возвращенія, а не дѣлать это каждая въ отдѣльности, какъ намѣренъ былъ повидимому поступить Лондонскій кабинетъ²⁾“.

Во вторникъ, 15 марта, я обѣдалъ у гр. Андраши, и послѣ обѣда снова говорилъ съ нимъ о положеніи дѣлъ. Въ среду я былъ принятъ императоромъ Францомъ - Іосифомъ, возвратившимся въ Вѣну. Говоря объ общемъ положеніи дѣлъ и въ частности о положеніи Россіи, созданномъ послѣдними событіями, я особенно настаивалъ на внѣшнихъ причинахъ, коими оно было обусловлено. „Мой августѣйшій монархъ, убѣжден-

¹⁾ Гр. Андраши, просто на просто, хотѣлъ послѣдовать примѣру Англіи и снова послать въ Константинополь гр. Зичи. Я высказалъ своему бывшему коллегѣ, какъ позорно было бы, поджавъ хвостъ, возобновить сношенія съ Турціей, и когда представился случай я намекнулъ на это въ разговорѣ съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ. Также откровенно я высказалъ свое мнѣніе и гр. Андраши, замѣтивъ, что послѣ подобнаго шага никто не повѣритъ болѣе пресловутому соглашенію трехъ дворовъ по дѣламъ Востока.

²⁾ Сентъ-Джемскій кабинетъ думалъ въ то время послать въ Константинополь въ качествѣ посланника человѣка, котораго турки считаютъ наилучшимъ изъ своихъ друзей среди англійскихъ дипломатовъ, а именно одного изъ учредителей оттоманскаго банка, извѣстнаго руссофоба -- Лайарда. Этого обстоятельства, въ связи съ распространившимся слухомъ, будто Англія требовала, чтобы русское войско было демобилизовано, было за глаза достаточно, чтобы сбить съ толку турокъ и вызвать среди нихъ броженіе; они только и мечтали вести войну до послѣдней крайности, чтобы принудить Англію вступить на защиту Константинополя.

ный въ солидарности интересовъ обѣихъ странъ въ настоящемъ фазисѣ Восточнаго вопроса, ожидаетъ, сказалъ я, со стороны своего союзника осязательныхъ доказательствъ согласія не только во время переговоровъ, но и въ случаѣ войны“.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ [письмо къ кн. Горчакову отъ 16 (28 марта)] я обратилъ вниманіе Его Величества на неосуществимость англійскихъ требованій, чтобы мы приступили къ демобилизаціи прежде, нежели будетъ достигнутъ какой-нибудь осязательный результатъ переговоровъ; я указалъ на то, что наша армія не могла стоять подъ ружьемъ неопредѣленное время: этотъ вопросъ слѣдовало рѣшить какъ можно скорѣе. Отвѣтъ императора Франца-Иосифа былъ какъ нельзя болѣе корректенъ и успокоителенъ. Его Величество вполне понимаетъ наши возраженія относительно разоруженія и протокола. Считая себя связаннымъ съ нашимъ августѣйшимъ монархомъ честнымъ словомъ и считая себя обязаннымъ поддерживать съ нимъ соглашеніе, онъ заявилъ о своей полной готовности выполнить всѣ заключенныя имъ обязательства. Его Величество считаетъ столкновеніе на Востокѣ неизбѣжнымъ и убѣжденъ въ томъ, что турки никогда не сумѣютъ провести реформы съ цѣлью серьезно улучшить положеніе христіанъ.“

„Императоръ полагалъ, что *конфликтъ произойдетъ годъ или два года позже, что болѣе соответствовало бы интересамъ Австро-Венгрии*. Онъ настаивалъ на необходимости сохранить миръ; это было желаніе всей Европы, тѣмъ болѣе, что если бы война возгорѣлась въ настоящее время, то Россію непременно обвинили бы въ томъ, что она не дала турецкой конституціи и добрымъ намѣреніямъ новаго султана принести плоды“.

Я воспользовался случаемъ, чтобы объяснить Его Величеству, что такое собственно турецкая конституція и какъ *призракъ* конституціи и такъ называемыя „добрыя намѣренія“ султана проявляются въ Турціи подъ разными видами (въ видѣ хатти шерифовъ... и т. п.), съ цѣлью ввести въ заблужденіе Европу и дать заинтересованнымъ лицамъ возможность защищать, не краснѣя, стамбульскій режимъ.

Послѣ аудіенціи, я узналъ, что когда гр. Андраши докладывалъ императору о своемъ разговорѣ со мною относительно демобилизаціи, то Его Величество не колеблясь призналъ мои заявленія правильными и замѣтилъ министру, что это вопросъ чести, которымъ мы не могли поступиться, и что онъ напрасно настаивалъ, поддерживая точку зрѣнія англичанъ.

Императора Франца-Иосифа и его министра иностранныхъ дѣлъ очень озабочивали вопросы о возвращеніи на родину боснійскихъ и герцеговинскихъ эмигрантовъ, равно какъ и всѣ вообще вопросы, касающіеся этихъ двухъ провинцій. Вотъ что я писалъ объ этомъ изъ Вѣны, 15 (27 марта) на основаніи сообщеній, полученныхъ мною отъ графа Андраши и другихъ австро-венгерскихъ дѣятелей:

„Его Величество считаетъ осуществленіе обѣщаній, данныхъ на этотъ счетъ тремя державами, вопросомъ чести и хотѣлъ бы, чтобы объ этомъ было особо упомянуто въ протоколѣ. Англійскій посланникъ увѣрилъ его ¹⁾ въ томъ, что петербургскій кабинетъ не соглашается на это. Я объяснилъ императору, что мы умышленно избѣгали касаться въ проектѣ протокола подробностей и что, принимая къ свѣдѣнію обѣщанія, данныя турецкимъ правительствомъ, мы подразумѣвали подъ этимъ, eo ipso, и обѣщанія, касающіяся эмигрантовъ; тѣмъ не менѣе, ежели его величество придаетъ этому значеніе, и если со стороны прочихъ кабинетовъ не будетъ возраженій, то не трудно будетъ вставить въ протоколъ фразу, съ упоминаніемъ объ обязательствѣ, принятомъ на себя Портою въ этомъ смыслѣ“.

Гр. Андраши сказалъ мнѣ, что онъ рѣшилъ выяснить немедленно вопросъ объ эмигрантахъ и добиться того, чтобы они вернулись на родину весною, ко времени посѣва; „иначе они останутся еще на годъ на шеѣ у Австро-Венгріи“. Онъ намѣревался требовать отъ Порты возврата трехъ милліоновъ флориновъ, затраченныхъ Австро-Венгріей на содержаніе боснійцевъ и герцеговинцевъ изъ-за того, что Порта не исполнила своихъ обязательствъ по отношенію къ нимъ. Если Порта сдержитъ свои обѣщанія, то Австро-Венгерское правительство не будетъ настаивать на денежномъ вознагражденіи. Въ противномъ случаѣ, если она уплатитъ требуемые имъ три милліона, онъ употребитъ ихъ на постройку жилищъ для эмигрантовъ и на ихъ обзаведеніе. Если Порта не захочетъ подчиниться этому требованію, онъ не станетъ задерживать эмигрантовъ и пропуститъ ихъ черезъ границу, чтобы они могли заработать себѣ на родинѣ кусокъ хлѣба ²⁾.

¹⁾ Съ правдивостью, которая всегда отличала сэра Г. Эллиота, когда дѣло шло о Россіи!

²⁾ Несчастные эмигранты всегда эксплуатировались Австро-Венгріей, которая хотѣла добиться за ихъ счетъ аннексіи двухъ провинцій, но въ то же время предоставляла эмигрантамъ не католикамъ умирать съ голода.

По увѣренію гр. Андраши, князя Черногорскаго также крайне стѣсняютъ тѣ 80 тысячъ эмигрантовъ, которые укрывались въ его владѣнія, и обратился къ нему и къ англійскому (!) посланнику въ Вѣнѣ съ просьбой дать этимъ несчастнымъ возможность возвратиться на родину ¹⁾. Князь Николай Черногорскій обратился къ посредничеству Австріи и Англии будто бы потому, что мы отнеслись къ его предложенію холодно. Гр. Андраши и сэръ Г. Эллиотъ оцѣнили шагъ, сдѣланный княземъ Черногорскимъ, который обѣщалъ водворить эмигрантовъ на родину въ теченіе мѣсяца, къ времени посѣва.

Такимъ образомъ, если продлится ненормальный порядокъ вещей, вслѣдствіе котораго многочисленное христіанское населеніе не можетъ вернуться на родину и обрабатывать землю, а разсѣяно на чужбинѣ и обречено на всѣ бѣдствія изгнанія, то вся отвѣтственность за это падеть на Турцію.

Я воспользовался своимъ пребываніемъ въ Вѣнѣ, чтобы собрать свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Черногоріи, Сербіи и прочихъ провинцій, возставшихъ противъ Порты, говорилъ съ извѣстными славянскими дѣятелями и съ людьми, имѣющими постоянныя сношенія съ этими странами, и изложилъ собранныя мною свѣдѣнія въ краткой запискѣ, посланной канцлеру 15 (27 марта):

1-ое „Изъ собранныхъ мною данныхъ вытекаетъ, что черногорцы готовы продолжать борьбу, считая ее неизбежной потому, что турки не только не проявляютъ никакой уступчивости, но требуютъ возврата Вассоевичей. Кромѣ того, такъ какъ стороны Албаніи замѣтно желаніе отдѣлиться отъ Турціи и стать независимой, то это поощряетъ черногорцевъ продолжать борьбу до тѣхъ поръ, пока албанцы не подчинятся требованіямъ турокъ и пока союзъ съ ними еще возможенъ. Въ настоящее время черногорцы имѣютъ повидимому достаточное количество артиллеріи, чтобы атаковать турецкія крѣпости; въ случаѣ русско-турецкой войны, они предполагаютъ произвести диверсію.

2-ое „Въ Сербіи: положеніе князя Милана видимо становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ... Въ случаѣ нашей войны съ турками, кн. Миланъ не можетъ принять въ ней

¹⁾ Это казалось мнѣ весьма сомнительнымъ, но, донося объ этомъ правительству, какъ мнѣ повелѣвалъ долгъ, я хотѣлъ обратить вниманіе кн. Горчакова главнымъ образомъ на то, что нужно было что-нибудь сдѣлать для эмигрантовъ, коихъ сэръ Г. Эллиотъ и гр. Андраши хотѣли эксплуатировать съ весьма понятной политической цѣлью.

участія, не рискуя, какъ говорятъ, быть свергнутымъ съ престола.

3-ое „Положеніе христіанскаго населенія Босніи и Герцеговины весьма плачевно. Какъ я и предвидѣлъ съ самаго начала возстанія, болѣе всего пострадало православное населеніе, которое совершенно разорено. Католики, которымъ Австро-Венгрія и католическое духовенство постоянно оказываютъ поддержку, потерпѣли гораздо меньше и приобрѣли въ настоящее время такое значеніе, какого они никогда не имѣли въ этихъ провинціяхъ. По словамъ самого гр. Андраши, пограничнымъ властямъ приказано снискать любовь населенія, но въ то же время приняты мѣры къ тому, чтобы въ 18-дневный срокъ въ Боснію и Герцеговину могли вступить съ разныхъ сторонъ достаточныя силы“.

Турецкій посланникъ въ Вѣнѣ, Алеко-паша (кн. Вогоридесъ), пользуясь нашими прежними добрыми отношеніями, пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы переговорить „о протоколѣ и демобилизаціи русской арміи“,—двухъ вопросахъ, которые, какъ ему говорятъ со всѣхъ сторонъ, „тѣсно связаны между собой“. Давая, вкратцѣ, отчетъ о своей бесѣдѣ съ турецкимъ дипломатомъ, я писалъ канцлеру 15 (27 марта): „Я разубѣдилъ его въ этомъ и повторилъ ему то, что я говорилъ всѣмъ представителямъ Турціи, къ которыми мнѣ пришлось встрѣтиться въ столицахъ Европы, а именно, что единственный способъ достигнуть разоруженія Россіи и находится въ рукахъ самой Турціи: ей слѣдуетъ заключить миръ съ Черногоріей на основахъ, выработанныхъ конференціей, и какъ можно скорѣе выполнить въ провиціяхъ обѣщанныя реформы. Алеко-паша отвѣтилъ на это, что лица, относящіеся къ намъ доброжелательно въ Константинополѣ (именно Мехметъ Рушди-паша), хотѣли завязать непосредственныя отношенія между Портой и императорскимъ привѣтствомъ, назначивъ въ Петербургъ особаго посланника, какъ я это совѣтовалъ Алеко-пашѣ, въ первый мой проѣздъ черезъ Вѣну (возвращаясь съ петербургскаго совѣщанія). Была даже рѣчь возложить эту миссію на Рушди-пашу, но въ настоящее время снова взяло верхъ вліяніе Митхада. Я высказалъ турецкому посланнику свое сожалѣніе по этому поводу, присовокупивъ, что время не терпитъ и что это единственное средство спасенія, остающееся у Порты; турецкій патріотъ долженъ во что бы то ни стало желать сохраненія мира, такъ какъ вопреки всѣмъ иллюзіямъ, которыми убаюкиваютъ себя въ Константинополѣ, первый пушечный вы-

стрѣль можетъ быть для Европы сигналомъ окончателнаго разгрома Турціи и можетъ вызвать всевозможныя алчныя вожделѣнія“.

Алеко-паша увѣрялъ меня въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ и обѣщаль послать въ Константинополь спеціального курьера, чтобы сообщить правительству о нашемъ разговорѣ и о серьезности положенія.

Я имѣлъ случай видѣть почти каждый день итальянскаго посланника, гр. Робилана, женатаго на родственницѣ моей жены. Посланникъ передалъ мнѣ сожалѣніе своего правительства по поводу того, что „и такъ старательно избѣгалъ посѣтить Италію во время моей поѣздки по Европѣ, несмотря на прекрасныя отношенія, существовавшія у меня со всѣми представителями Италіи, смѣнявшимися въ Константинополь. Гр. Робиланъ сказалъ обиженнымъ тономъ, что общественное мнѣніе Италіи справедливо оскорблено этимъ, тѣмъ болѣе, что это приписываютъ излишнему вниманію съ нашей стороны къ Австро-Венгріи и нашей готовности считаться съ ея щепетильностью, которая ровно ничѣмъ не оправдывается“.

Генералу Чіальдини, повидимому, былъ сдѣланъ запросъ, почему онъ не настаивалъ на необходимости моей поѣздки въ Римъ и почему онъ взялся передать протоколъ.

Итальянскій посланникъ въ Парижѣ будто бы отвѣтилъ, что я ссылался на совершенный недостатокъ времени и даже отказался ѣхать черезъ Туринъ и Миланъ (это такъ и было на самомъ дѣлѣ), чтобы поѣздаться тамъ и переговорить съ лицомъ, которое было бы командировано мнѣ навстрѣчу.

Разсчитывая на мои личныя дружественныя отношенія къ гр. Робилану, я просилъ его передать мое извиненіе римскому двору и указать на то, что Римъ слишкомъ отдаленъ, что поѣздка въ Лондонъ не входила первоначально въ мой планъ и что въ то время, какъ я говорилъ съ генераломъ Чіальдини, меня и безъ того упрекали, что я слишкомъ медлю поѣздкой въ Вѣну; текстъ же протокола былъ сообщенъ мною представителямъ Италіи раньше, нежели Вѣнскому кабинету. Если бы я имѣлъ возможность проѣхать въ Италію, очевидно я посѣтилъ бы и Римъ, но по смыслу возложенной на меня миссіи я не могъ отсрочить своего возвращенія въ Петербургъ, куда я долженъ явиться дней черезъ пять-шесть; что касается свиданія съ уполномоченнымъ министерства въ Туринѣ или въ Миланѣ, то я не считалъ себя въ правѣ претендовать на это и надѣялся, что въ Италіи оцѣнятъ мотивы, которые заставили меня изъ дели-

катности отклонить это предложеніе, которое я считалъ не болѣе, какъ простой вѣжливостью и предупредительностью.

„Я сказалъ гр. Робилану (какъ я и писалъ канцлеру 16/28 марта), что точка зрѣнія нашихъ правительствъ на восточный вопросъ такъ тождественна, что намъ нѣтъ надобности долго обсуждать проектъ протокола, кромѣ того я выразилъ готовность условиться на этотъ счетъ съ итальянскими посланниками при тѣхъ дворахъ, которые я посѣтилъ. Лицу себя надеждой, что мои объясненія будутъ признаны удовлетворительными“.

Я передалъ гр. Робилану послѣдній текстъ проекта протокола. Онъ телеграфировалъ въ Римъ и получилъ отвѣтъ, что итальянское правительство не видитъ препятствій къ тому, чтобы проектъ былъ принятъ. Тогда же итальянскій посланникъ заявилъ мнѣ по повелѣнію своего правительства, что Италія всегда будетъ дѣйствовать въ этомъ вопросѣ въ согласіи съ нами.

Онъ былъ видимо озабоченъ и хотѣлъ знать обѣщана ли намъ въ случаѣ войны матеріальная поддержка Австро-Венгріи и получить ли она въ видѣ вознагражденія какія-либо территориальныя приобрѣтенія въ Турціи. Я уклонился отъ разговора на эту тему, замѣтивъ итальянскому дипломату, съ такимъ усердіемъ исполнявшему свои патріотическія обязанности, что миролюбивый исходъ, котораго мы добиваемся въ данную минуту, исключаетъ всякую мысль о раздѣлѣ Турціи, который державы считаютъ преждевременнымъ.

Вотъ телеграмма, посланная мною канцлеру въ среду, 16-го числа:

„Императоръ Францъ-Іосифъ одобряетъ протоколъ, считаетъ англійскія требованія относительно нашей демобилиціи неприемлемыми, изъявляетъ готовность оказать намъ услугу, высказавъ свое мнѣніе въ Лондонѣ и предложивъ компромиссъ, который, охраняя наше достоинство, успокоилъ бы, въ то же время, англичанъ относительно нашихъ намѣреній. Подтверждаю еще разъ, что Государь Императоръ можетъ рассчитывать на императора Франца-Іосифа какъ въ случаѣ сохраненія мира, котораго онъ страстно желаетъ, такъ и въ случаѣ войны, которой онъ болѣе не опасается съ тѣхъ поръ, какъ между нами заключено известное соглашеніе. Андраши хотѣлъ бы, принявъ къ свѣдѣнію увѣренія турокъ, упомянуть въ протоколѣ объ обѣщаніяхъ, данныхъ нѣкогда Портою относительно возвращенія боснійскихъ и герцеговинскихъ эмигрантовъ. Бейстъ телеграфируетъ (изъ Лондона), что Дерби и Шуваловъ на это согласны. Способъ, предложенный Андраши (для рѣшенія затрудненій от-

носительно демобилизаціи), кажется мнѣ предпочтительнѣе послѣдней Лондонской комбинаціи (Шувалова—Дерби). Андраши получилъ извѣстіе изъ Константинополя, что Порта, узнавъ о требованіи англичанъ относительно нашей демобилизаціи, на что мы отвѣтили отказомъ, призываетъ свои послѣдніе резервы. Поэтому Андраши боится, какъ бы наши непосредственные переговоры съ турками относительно демобилизаціи не заставили насъ объявить войну¹⁾.

Удостоившись чести обѣдать у императора, въ среду 16/28 марта, я прямо изъ дворца отправился на желѣзную дорогу, чтобы ѣхать въ Берлинъ. Прощаясь съ гр. Андраши, я замѣтилъ, что онъ былъ обиженъ тѣмъ, что его предложеніе о посредничествѣ было такъ холодно принято петербургскимъ кабинетомъ, что ему до сихъ поръ не отвѣтили на него, хотя бы телеграммой, онъ приписывалъ это мнѣ, такъ какъ онъ всегда считалъ меня, совершенно напрасно, своимъ главнымъ политическимъ противникомъ; впрочемъ, этотъ разъ онъ принялъ меня чрезвычайно любезно и всячески высказалъ мнѣ свое уваженіе.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Австро-Венгрія, убѣдясь изъ переговоровъ съ петербургскимъ кабинетомъ въ томъ, что Россія справится со всѣми расходами и тягостями войны съ Турціей, доставивъ во всякомъ случаѣ неисчислимыя выгоды своей сосѣдкѣ, которая ограничивается обѣщаніемъ не вмѣшиваться въ войну и будетъ чужими руками жаръ загребать, выжидаетъ событій и не старается со своей стороны содѣйствовать улаженію дѣлъ на Востокѣ, чтобы избавить насъ отъ войны. А наши доморощенные сторонники соглашенія съ Австро-Венгріей и съ гр. Андраши и не подозревали объ этомъ естественномъ результатѣ ихъ близорукой политики!

Прим. авт.